

63.3(2)

И20

СА-394910

анатолій

ИВАНОВ

ИСТОРИИ И ЛЕГЕНДЫ СТАРОГО ПЕТЕРБУРГА

ИСТОРИИ И ЛЕГЕНДЫ

АНАТОЛИЙ
ИВАНОВ

СТАРОГО ПЕТЕРБУРГА

910493-39

Москва
ЦЕНТРОЛИГРАФ

Государственное бюджетное
учреждение культуры

«Оренбургская областная универсальная
научная библиотека им. Н.К. Крупской»

ВСТУПЛЕНИЕ

Книга, которую вы держите в руках, составлена из исторических очерков Анатолия Иванова: часть из них впервые увидела свет в «Санкт-Петербургских ведомостях», а после перекочевала на книжные страницы, часть также уже встречалась читателям в прошлых изданиях. Все они тем не менее впервые публикуются под одной обложкой. Соседство это неслучайно: очерки объединены общей темой — путешествием в прошлое России, начиная с появления новой столицы. Истории из жизни старого Петербурга помогут лучше узнать город и тех, кто в нем жил, оставив свой, порой значительный, а порой небольшой, но отчетливый след в отечественной истории. Длинной чередой перед читателем пройдут иностранные дипломаты и путешественники, государи и их лукавые сатрапы, сыны отечества, трудившиеся для общего блага, и вороватые чиновники. Россия открывалась перед ними с разных сторон, и воспринимали они ее по-разному.

Вероятно, все знают, что основанию Петербурга в мае 1703 г. предшествовало взятие шведской крепости Ниеншанц, расположенной на мысе при впадении реки Охты в Неву. Менее известно то, что построена она была на месте русского поселения Канцы, появившегося еще в середине XIV века; в 1611 году Россия лишилась этих земель, вновь отвоеванных Петром I в начале 1700-х гг. И уж совсем немногие знают, что в промежутке между этими событиями Ниеншанц на короткий срок перешел под власть русского государя.

П.И. Потемкин

Случилось это в 1656 году, при отце Петра I Алексее Михайловиче; имей он тогда более сильное войско и сумеет удержать добытое, возможно, наш город возник бы несколькими десятилетиями раньше. Однако оставим зыбкую почву предположений и обратимся к историческим фактам.

Кто же был тот доблестный военачальник, несколько преждевременно осуществивший заветную мечту будущего государя? Звали его Петр Иванович Потемкин,

родился он в 1617 году, а умер около 1700 года; принадлежал к тому же старинному дворянскому роду, известному с XVI века, что и светлейший князь Г.А. Потемкин, но к другой его ветви. Начав царскую службу при дворе, побывал стряпчим, потом — стольником, сопровождая набожного царя в его выездах в окрестные монастыри на богомолье.

Участвовал в войне с поляками, вспыхнувшей в 1654 году по причине присоединения Украины к России, и после успешной осады взял город Люблин. Воспользовавшись тем, что Швеция в свою очередь увязла в войне с Польшей, русское правительство послало воинский отряд под командованием Потемкина на берега Невы, в шведские владения, чтобы попытаться вернуть выход к Балтийскому морю.

Подойдя к Ниеншанцу, Потемкин осадил его; в январе 1656 года крепость сдалась. Через полгода отряд подступил к другой шведской крепости — Нотебург, в прошлом русский Орешек, предварительно разбив шведов и захватив множество пленных. Немалую помощь в этом оказали местные финские и карельские племена, перешедшие на сторону русских. Хотя Орешек для Потемкина, как впоследствии и для Петра, оказался «зело крепок», ему все же удалось его разгрызть, и он стал воеводой поверженной твердыни.

К сожалению, одержанные победы оказались, по сути дела, напрасными, так как уже в первой половине 1658 года все завоеванное пришлось вернуть Швеции: Кардисский мир, заключенный в 1661 году, подтвердил прежние границы, установленные ранее Столбовским договором...

В не меньшей степени, чем на военном, Петр Иванович известен на дипломатическом поприще. Он возглавлял посольства во многие европейские страны, причем вел себя с большим достоинством, стремясь не уронить чести посланного его государя. Так в 1680 году, получив аудиенцию у Людовика XIV и не добившись признания им царского титула российского самодержца, Потемкин прервал бесплодные переговоры и отказался принять от короля ответную грамоту.

Курьезный случай, неслыханный в дипломатической практике, приключился с Петром Ивановичем в Дании, куда ему велено было заехать по пути и непременно получить аудиенцию у тамошнего монарха. На его беду, король в ту пору оказался болен, и к нему никого не допускали. Однако русский посланник, памятуя данный ему наказ, что он представляет особу своего государя и никоим образом не должен уступать связанных с этим преимуществ, продолжал настаивать на свидании.

В ответ на заверения придворных, что король лежит в постели, Потемкин потребовал поставить в королевской опочивальне еще одну кровать, лежа на которой он мог бы побеседовать с августейшей особой. Не желая ссориться с возможным союзником, придворные вынуждены были согласиться на столь необычное требование, и «постельная» аудиенция состоялась...

Этот анекдотический случай прочно запечатлелся в памяти потомков, и спустя много лет о нем рассказывали за столом цесаревича Павла Петровича. Но мы будем помнить П.И. Потемкина как человека, пусть и на короткое время, водрузившего российский флаг над невскими берегами, где через полвека суждено было возникнуть Петербургу.

Глава 1

О НАЗВАНИЯХ И НЕ ТОЛЬКО

ДОМ НЕЛЛИСА В ЭРТЕЛЕВОМ ПЕРЕУЛКЕ

Все старые улицы возникали примерно одинаково: сперва прокладывалась безымянная дорога; со временем она застраивалась, обретала свое лицо, индивидуальные признаки, наконец получала имя, прозвище, выделявшее ее из ряда ей подобных. Случалось, что прозвище бывало не совсем благозвучным; порой оно употреблялось наряду с другим, и оба названия существовали одновременно. Но в конце концов побеждало одно, которое уже надолго, если не навсегда, закреплялось за улицей.

Эртелев переулок (с 1923 года — улица Чехова) в этом смысле не исключение. Он находится в Литейной части, между улицами Жуковского и Некрасова, и проложен на территории бывшей слободы Преображенского полка. Время его возникновения можно определить с точностью до одного года. На так называемом сенатском атласе столичного города Санкт-Петербурга 1798 года он еще не обозначен. А в следующем году в «Ведомостях» появляется такое объявление: «От Конторы городских строений объявляется, что принадлежавшая прежде гвардии Преображенскому полку земля по Всевысочайшему Его Императорского Величества повелению продаваться будет для выстроения домов в пользу обывателей, местами; желающие оную покупать могут являться для торгу в упомянутую Контору...» (Санкт-Петербургские ведомости. 1799. 26 апреля).

Полковая слобода уничтожалась в связи с переводом полка на новые квартиры в Миллионной улице, поближе к дворцу. Тогда-то и была проложена параллельная Литейному

Улица Чехова, дом № 8. Современное фото

В 1824 году участок Вилле приобретает другой немецкий ремесленник — слесарь Яхтман, который владел домом в Эртелевом, или Грязном, переулке свыше двадцати лет. А к середине 1840-х он переходит к новому хозяину, опять-таки каретному мастеру, Карлу Матвеевичу Неллису. Датой основания предприятия считается 1827 год, и начиная с этого времени фирма постепенно, шаг за шагом закладывала фундамент своего будущего процветания и успеха, медленно, но неуклонно упрочивая солидную репутацию. К 1870-м экипажная фабрика Неллиса слыла уже одной из лучших в столице. Но не будем забегать вперед.

Добрых лет пятнадцать после покупки участка Карл Матвеевич довольствовался прежним домом, а под мастерскую арендовал смежный участок нынешнего дома № 10 у жены столяра Никитина. Дела его шли вполне успешно, и в 1863 году на месте старого одноэтажного строения он возвел по проекту К.Ф. Мюллера четырехэтажный дом в так называемом кирпичном стиле, то есть из неоштукатуренного кирпича. Это был один из первых жилых домов в Петербурге, выстроенных в подобном стиле, нашедшем большее

Похоже, сегодняшнее поколение снова вернулось к состоянию первобытного капитализма, запечатленному автором приведенных строк; по крайней мере, сравнения напрашиваются сами собой. Того и гляди, вновь забьет «чудотворный источник» и ринутся толпы кропить себя грязной водой...

А теперь поговорим о столичных стражах порядка — будочниках, чьи фигуры были неотделимы от городского пейзажа того времени.

В ПОЛОСАТОЙ БУДКЕ У МОСТА...

Архитектурный фон на литографии К.П. Беггрова по рисунку В. Форлопа с изображением перекрестка Невского проспекта и набережной реки Мойки изменился мало: дворцы А.С. Строганова и К.Г. Разумовского по левую сторону и дом Н.И. Чичерина по правую выглядят почти так же, как в 1820-х годах. Зато все остальное изменилось коренным образом, начиная от булыжной мостовой и кончая внешним обликом людей. Крупным планом представлена неизменная принадлежность тогдашней жизни — полосатая полицейская будка с двумя стражами порядка, один из которых держит длинную алебарду, — скорее символ власти, чем оружие.

О петербургских будочниках, прообразе будущих городских и постовых, можно было бы написать целую книгу. Говоря современным языком, служба охраны правопорядка в начале XIX века находилась в далеко не блестящем состоянии, о чем свидетельствовали частые грабежи и драки. Ни ловить грабителей, ни разнимать дерущихся было некому: как пишет в своих «Записках» граф Е.Ф. Комаровский, обыватели посылали в будочки кого попало; при желании от этой повинности можно было откупиться, уплачивая по 9 рублей в месяц.

Однако сыскать добровольцев, готовых за такие деньги бессменно стоять на часах, в особенности в зимнюю стужу, не было никакой возможности, а посему будки сплошь и рядом оставались пустыми. Помимо прочих обязанностей, на будочников возложили еще одну: при возникновении пожара они должны были ходить с трещотками по улицам и созывать людей, выделенных домовладельцами для тушения огня. Все это, вместе взятое, не способствовало порядку в городе.

Мойка у Полицейского моста. Литография К.П. Беггрова по рисунку В. Форлопа

В 1811 году, по инициативе упомянутого мной графа Кормаровского, Александр I издал указ о создании внутренней стражи — особого рода войск, набиравшихся по большей части из отставных солдат, предназначенных исключительно для несения караульной службы. Тогда-то и появились на городских улицах служивые с алебардами, несшие службу у своих будок и в них же проживавшие. Стало ли после этого в столице безопаснее? Судя по отзывам современников, не-
намного. В памяти невольно оживает печальная история гоголевского Башмачкина, который в первый же вечер лишился новой шинели, прямо на глазах у безучастно наблюдавшего за этим караульного.

Вспоминая о петербургских мостах, один из современников не забыл упомянуть и будочников: «У мостов же обыкновенно воздвигались и будки, где доблестные стражи, лишенные уже алебард, отнятых у них в 1830-х годах, продолжали ревностно охранять самих себя, изредка забирая под гостеприимный кров уже чересчур подгулявших и расходившихся граждан».

Не обошел вниманием тогдашних стражей порядка и знаменитый юрист А.Ф. Кони. В своем очерке «Петербург. Воспоминания старожил» он пишет: «На углу широкого моста,

ВОЗЛЕ ИМПЕРАТОРСКОЙ БИБЛИОТЕКИ

Своеобразным и совершенно новым зрелищем стали круговые живописные «панорамы», быстро вошедшие в моду и пользовавшиеся успехом в течение многих лет, дожив до наших дней.

До сих пор считалось, что первым подобного рода экспонатом явилась «панорама госпожи Латур», выставленная в 1820-м в деревянной ротонде, установленной на углу Большой Морской и Кирпичного переулка. Вниманию зрителей предлагалось полотно, написанное венским художником, академиком Штейнигером, которое изображало панораму Парижа 1814 года, во время пребывания там союзных войск. Картина писалась с натуры, с высоты одного из флигелей дворца Тюильри.

Париж был представлен на ней в дни крушения наполеоновской империи, в чем зритель мог убедиться собственными глазами, то любуясь «мужественными пруссаками в синих колетах» и казаками, «несущимися как вихрь», то разглядывая «безобразного башкирца» в окружении толпы зевак. Все это изображалось на фоне парижских дворцов, церковных куполов и прочих достопримечательностей.

Но оказывается, петербуржцы уже видели подобную панораму полутора десятком лет ранее! Правда, исторические аксессуары были в то время совсем иными: звезда Наполеона еще только восходила. Зато все остальное отличалось большим сходством, о чем судить самому читателю.

В № 69, от 26 августа 1804 года, «Санкт-Петербургские ведомости» напечатали следующее объявление: «Учреждение „Панорама в Париже“ прислало нынешним летом в Санкт-Петербург одну из превосходнейших своих картин, представляющих город Париж с его окрестностями. Снят оной из флигеля Тюллерийского, ближайшего к реке, и все изображено на сей картине с удивительною точностью, что только из сего места обозреть было можно. Сверх сего представлено на оной в совершенстве все пространство, от самого неба до земли. Видеть могут возле Императорской библиотеки, ежедневно от 8 утра до вечера; за вход платится по 1 руб. 25 коп.».

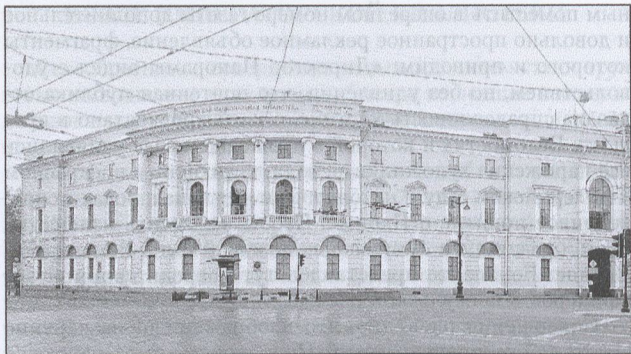
Новинка, как и следовало ожидать, имела большой успех. Несмотря на весьма солидную плату, в посетителях недостатка не было. Тем не менее устроители сочли нуж-

ным поместить в очередном номере газеты дополнительное и довольно пространное рекламное объявление, фрагменты которого и приводим: «Директор Панорамы видел с удовольствием, но без удивления, что почтенная публика отдавала справедливость картине, о коей пропечатано в прошлых Ведомостях и которой в прошедшем году удивлялись все парижские художники... Люди, гуляющие в прекрасном Тюллерийском саду и находящиеся на улицах, подают справедливое понятие о Париже. Чтобы возвысить изящество оной, представлен смотр войск, каковой имел Бонапарте в Европе: Бонапарте представлен тут впереди своих штаб-офицеров в консульской одежде...»

Совершенно очевидно, что изображенный на картине смотр войск, производимый Наполеоном, имел целью не только «возвысить изящество оной», но и дать понять царю Александру I, с кем ему, в случае чего, придется иметь дело. Кстати говоря, к моменту прибытия панорамы в Петербург Бонапарт уже успел принять титул «императора французов», поэтому пропагандистское значение сего полотна несомненно.

Панорама демонстрировалась в специально построенном для нее деревянном здании, стоявшем на Садовой улице, близ ее пересечения с Невским проспектом, рядом со старейшим, угловым корпусом Публичной библиотеки (в 1808—1810 годах на этом месте возведен дом № 18 по Садовой). Это была первая панорама, появившаяся в Петербурге, и уже поэтому она вызывала большой интерес, хотя изображала чужой город и события, в ту пору еще далекие сердцу русского человека.

Насколько ближе должна была показаться вторая показанная в столице панорама, о которой известили горожан те же «Санкт-Петербургские ведомости» 31 марта 1805 года: «Почтенная публика чрез сие извещается, что большую панораму, представляющую переход Российской армии под предводительством фельдмаршала князя Суворова чрез гору Сан Готард и занятие Дьявольского моста, можно видеть ежедневно от 10 часов до полудня до 5 часов вечера в доме, бывшем Воронцова, а ныне принадлежащем Капитулу орден св. Иоанна Иерусалимского, что против Гостиного двора, идучи от Невской перспективы к Сенной. Картина длиною 96 английских футов, а вышиною 24 фута. Лица на оной представлены в человеческий рост и в возможнейшем сходстве».

Российская национальная библиотека. Современное фото

Выходит, что у знаменитой суриковской картины на тот же сюжет существовала далекая предшественница! К сожалению, в объявлении не указано имя ее создателя, и остается лишь догадываться о нем. Скорее всего, это был если и не русский художник, то, по крайней мере, долго живший в России, как, к примеру, Джон Аткинсон, написавший для императора Павла несколько полотен из русской истории, а также портреты самого царя и Суворова. Он же является автором широко известной панорамы Петербурга и многих батальных картин. Интересное совпадение: произведение, посвященное подвигу суворовских чудо-богатырей, большинство из которых в ту пору еще здравствовало, демонстрировалось в здании, где полтора века спустя разместят Суворовское училище.

Деревянное сооружение, стоявшее рядом с Публичной библиотекой, просуществовало всего три года. После панорамы Парижа в нем выставлялись уже изображения российских городов, как видно из объявления, опубликованного в № 35, от 30 апреля 1807 года: «На Невском проспекте, подле Императорской библиотеки, в деревянном строении показываются панорамы: столичного города Москвы и губернского города Риги. Видеть оные можно всякий день от 10 часов утра до вечера. Вид города Москвы снят от дома тамошнего Главнокомандующего, а Риги от таможенного дому, подле мосту на реке Двине. Оба города представля- ют с лучшими округами приятнейшие виды и с натураль-

Глава 3

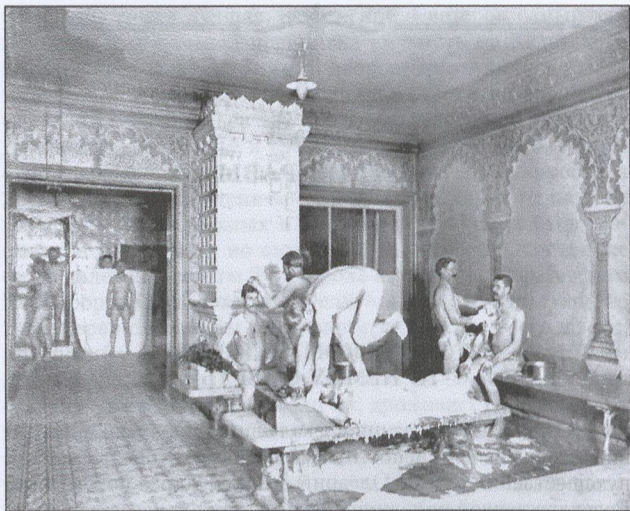
БЫТ И ПРАВЫ

ЧТО РУССКОМУ ЗДОРОВО, ТО НЕМЦУ СМЕРТЬ!

Русская баня всегда привлекала внимание иноземцев, дивившихся обычаям непостижимых «москвитов». Немецкий путешественник Адам Олеарий, несколько раз посетивший Россию в первой половине XVII века, так описывал увиденное: «Они в состоянии переносить сильный жар, лежат на полке и вениками нагоняют жар на свое тело или трутся ими (это для меня было невыносимо). Когда они совершенно покраснеют и ослабнут от жары до того, что не могут более вынести в бане, то и женщины, и мужчины голые выбегают, окачиваются холодной водой, а зимою валяются в снегу и трут им, точно мылом, свою кожу, а потом опять бегут в горячую баню. Так как бани обыкновенно устраиваются у воды и у рек, то они из горячей бани устремляются в холодную».

Царившая в общественных банях патриархальная простота нравов также изумляла испорченных цивилизацией заезжих гостей. Хотя мыльные помещения для мужчин и женщин были разгорожены бревнами, входили и выходили они через одну и ту же дверь, и лишь некоторые из них прикрывали причинные места вениками...

Прошло полтора столетия, но банные порядки не претерпели за это время ни малейших изменений, несмотря на суровые указы, предписывавшие содержателям публичных бань строить их для обоих полов отдельно и в женские пускать только тех мужчин, которые необходимы для обслуживания, да еще художников и врачей, «приходящих туда для изучения своего искусства».

Бани. Фото середины XIX в.

Но, как свидетельствует француз Ш. Массон в «Секретных записках о России», относящихся к концу XVIII века, «чтобы проникнуть туда, охотники попросту присваивают себе одно из этих званий». Он же повествует далее, что, хотя бани и купальни в Петербурге разделены для обоих полов перегородкою, «многие старые женщины всегда предпочитают вмешиваться в толпу мужчин; да, кроме того, вымывшись в бане, и мужчины и женщины выбегают голышом и вместе бегут окунуться в протекающей сзади бани реке. Тут самые целомудреннейшие женщины прикрываются березовыми вениками, которыми они парились в бане. Когда мужчина хочет вымыться отдельно, его часто моет и парит женщина; она тщательно и с полным равнодушием исполняет эти обязанности. В деревне устройство бань старинное, то есть там все помы и возрасты моются вместе, и семья, состоящая из сорокалетнего отца, тридцатипятилетней матери, двадцатилетнего сына и пятнадцатилетней дочери, ходит в баню, и члены ее взаимно моют и парят друг друга в состоянии невинности первых веков».

Глава 4

УТРАТИВШИЕ И СОХРАНИВШИЕ

НЕ ВЕРЬ ГЛАЗАМ СВОИМ!

Представим на суд читателям еще одну, довольно курьезную историю, подтверждающую неоспоримую истину: видимость не всегда определяет сущность.

Бывают постройкИ, чье первоначальное назначение в настоящее время трудно угадать. Они будоражат воображение, заставляя фантазировать, хотя чаще всего эти догадки и фантазии оказываются очень далекими от действительности. К примеру, тем, кто увидел бы лет пятнадцать—двадцать назад бывший храм в честь 300-летия дома Романовых на Миргородской улице, нелегко было бы представить себе, что перед ними церковное сооружение.

Лишенное куполов, оно скорее напоминало замок какого-нибудь средневекового феодала, — такими неприступными казались мрачные, массивные стены с узкими прорезями окошек-бойниц. Сходство с крепостью усиливала зубчатая краснокирпичная ограда, протянувшаяся в конце Полтавской улицы с правой стороны. Правда, романтические фантазии быстро терпели крушение при столкновении с прозаической реальностью, выступавшей в виде таблички с надписью «Молокозавод» на входных воротах.

Не менее интригующим может показаться присутствие миниатюрных триумфальных ворот, установленных между домами № 12 и 16 по улице Восстания, бывшей Знаменской. Кто и по какому поводу воздвиг это карликовое подобие античных образцов? Того, кто возьмет на себя труд докопаться до истины, ожидает сильное разочарование, а может быть, наоборот, позабавит затейливая изобретатель-

ность прежних хозяев столь необычной достопримечательности — инженера путей сообщения А.И. Дунина-Слепца и его сестер.

В 1909 году они пожелали соорудить в глубине своего пустопорожного участка, как написано в архивном деле, «бетонное отхожее место на 5 очков, три в мужском и два в женском отделении». Тогда же им пришла в голову оригинальная мысль, воплощенная в жизнь архитектором И.Л. Балбашевским: украсить вход на сей новоявленный форум триумфальной аркой с двумя торговыми павильонами. Все это было выполнено из бетонных пустотелых камней — новинки, незадолго до того вошедшей в моду. До наших дней уцелела лишь парадная часть этого своеобразного архитектурного ансамбля.

Подобные курьезы случаются и в наши дни. Старожилы Литейной части наверняка помнят довольно неприглядный общественный туалет на углу Кирочной улицы и Радищева (бывшего Церковного) переулка, в том самом, частично снесенном здании, из-за которого было сломано немало копий. Теперь в этом помещении обосновался сверкающий сплошными стеклами и зеркалами элитный салон одежды. Вот уже воистину: из грязи да в князи!

Из Литейной отправляемся в Адмиралтейскую часть и для начала пройдемся по оживленному Спасскому переулку; после революции ему навязали новое название — в честь большевика Петра Алексеева.

ВETERАНЫ АДМИРАЛТЕЙСКОЙ ЧАСТИ

Вглядимся в фасады двух старинных купеческих особняков; наиболее интересен первый из них — № 4, построенный в 1750-х в стиле елизаветинского барокко, с чудесными, тонкой работы наличниками окон второго этажа (позднее здание было надстроено тремя этажами). Сохранилась даже архитектурная отделка лицевого флигеля со стороны двора, что можно считать чрезвычайной редкостью. Первоначально здание имело мезонин и тринадцать окон по фасаду, но в конце XVIII века его «укоротили» на пять осей с правой стороны.

Дом № 10, возведенный примерно в то же время и также впоследствии надстроенный, обладает схожими барочными

1853 года находим такую запись: «Отставной подполковник Антонов шел ночью по Большой Мещанской и остановился помочиться у будки часового. Часовой потребовал, чтобы он этого тут не делал; Антонов ударил часового; часовой арестовал Антонова. Производится следствие». Подобные происшествия были отнюдь не единичны...

С годами Мещанские утратили присущее им своеобразие. Две из них лишились и своих названий: в 1873-м Большую Мещанскую перекрестили в Казанскую (с 1923 года — ул. Плеханова), а спустя девять лет Малая Мещанская превратилась в Казначейскую. Дольше других продержалась Средняя, ставшая просто Мещанской, но в конце концов добрались и до нее. Недавно Большой и Малой Морским вернули их исторические имена. Почему бы не поступить подобным же образом и с Мещанскими?

КАК ПЕЛИ ПТИЦЫ В МАМОНОВОМ САДУ...

Сегодняшний Невский проспект представляет собой сплошную магистраль, от Адмиралтейства до Александроневской лавры, с разнотильными зданиями, по большей части в четыре-пять этажей. Но так было не всегда. Долгое время он распадался на три совершенно не похожих друг на друга отрезка: первый, парадный, заканчивался у Аничкова моста; второй, протянувшийся до Лиговского канала, вначале, как бы по инерции, продолжал череду внушительных каменных строений, но она обрывалась по левой стороне трехэтажным особняком № 96/1 на углу нынешней, тогда еще не существовавшей Надеждинской (ул. Маяковского). Далее, почти до самой Лиговки, раскинулся огромный квадрат сада, который в народе прозвали Мамоновым, хотя с большим основанием он мог бы именоваться Шуваловским. Третий отрезок, теперешний Старо-Невский, являл совершенную глушь, с невзрачными домиками и унылыми пустырями по обочинам...

В 1761 году, на исходе елизаветинского царствования, молодой фаворит императрицы И.И. Шувалов вдобавок к прежним милостям и подаркам получил от своей благодетельницы кусок земли размером 100 на 100 саженей «по большой Невской перспективе против Егерского двора». (Напомню, что Егерский двор, находившийся в районе со-

И.И. Шувалов

временной Пушкинской улицы, устроили на месте бывшего участка графа Миниха, пожалованного ему в награду за осушение земель в этой части города.)

Иван Иванович выстроил на своем загородном дворе небольшие деревянные хоромы и разбил регулярный сад с прудами и оранжереями; здесь, в тиши и уединении, сторонясь друзей, переживал он тяжкие приступы хандры и меланхолии. Грустить было о чем: ухудшающееся здоровье государыни, расстроенные дела в управлении страной, неуверенность в собственном будущем...

Вступление на престол Петра III переменяло положение вчерашнего любимца, хотя и не стало для него роковым — за ним оставили кураторство над Московским университетом и петербургской Академией художеств; вскоре к ним прибавилась должность главного директора Шляхетского кадетского

Глава 5

ОТ СМЕШНОГО ДО ГРУСТНОГО

«РУЖЬЯ УБРАТЬ ДЛЯ БЕЗОПАСНОСТИ...»

Из истории известно, что императрица Анна Иоанновна была страстной охотницей и делам государственным предпочитала медвежьи травли. Порой, окончательно соскучившись докладами своих министров, царица ненадолго покидала их и, высунувшись из окна, подстреливала на лету пару-другую ворон. После этого, освежившаяся, она возвращалась к прерванным занятиям.

Понятно, что при таких привычках царские ружья всегда должны были в полной готовности находиться под рукой, содержимые в величайшем порядке. Для присмотра за ними имелся специальный человек — оружейный мастер Иоганн Илинг, заботливо ухаживавший за ружьями и винтовками, как садовник за цветами.

Как-то весной 1737 года он взял в починку ружье, из которого государыня особенно любила стрелять по зайцам и оленям в своем петергофском зверинце, и неожиданно отдал богу душу. Возник небольшой переполох; не по поводу смерти мастера Илинга, а из-за возможной утраты драгоценного царицына ружья, коего она могла хватиться в любую минуту.

По сему случаю обер-егермейстер Артемий Волинский предусмотрительно адресовал в Кабинет ее императорского величества нижеследующее курьезное послание. Попутно оно содержит кое-какие интересные сведения по истории Петербурга, поэтому привожу его (с небольшими сокращениями) в первоизданном виде.

«Обретался здесь при дворе... оружейной мастер Яган Илинг, у которого было в смотрении Ее Императорского

Павла I, избрав своим орудием крестника покойного государя? Кто знает...

По настоянию Александра II дело замяли, и П.К. Ферзен избежал уголовного наказания: боязнь скандала выручила его и на сей раз. Уволенный в отставку, он продал свой особняк на Английской набережной и уехал на родину предков, в Германию, где и умер в глубокой старости, пережив большинство участников описанных событий.

Думаю, что в случае с графом Ферзеном дело обошлось без мистики, которой нам волей-неволей придется коснуться далее...

«НОВЫЙ ИЕРУСАЛИМ» В ОЗЕРНОМ ПЕРЕУЛКЕ

Наступили времена увлечения мистикой, сектантством, лжепророками и лжеучениями; смута в головах, неуверенность в завтрашнем дне, крушение всего того, что еще недавно казалось прочным и незыблемым, — самая благоприятная почва для их буйного произрастания. Не удивлюсь, если наряду с новыми ересями вспомнят и о старых — например, о скопчестве, зародившемся еще в XI веке, но оформившемся в устойчивую религиозную секту лишь в XVIII.

Ее идейным вдохновителем и организатором был простой мужик Кондратий Селиванов, провозглашенный хлыстами (религиозная секта. — А. И.), к которым он поначалу принадлежал, «богом над богами, царем над царями, пророком над пророками». Однако, начав проповедовать физическое оскотление как единственное средство уберечься от «блудного греха» и разврата, допускаемых хлыстовским учением, Селиванов не поладил с прежними единоверцами и основал собственный «корабль», то есть религиозную общину.

В 1775-м Кондратий был подвергнут властями телесному наказанию и сослан в Сибирь, откуда бежал и в 1790-х появился в Москве, где объявил себя ни много ни мало чудесно спасшимся императором Петром III. Тем временем скончалась Екатерина II, и ее законный сын и наследник Павел Петрович пожелал взглянуть на своего мнимого родителя.

Басков переулок, дом № 5. Современное фото

Царское слово — закон, и в январе 1797 года самозванец предстал перед грозным владыкой. «Отец ли ты мне?» — отрывисто спросил Павел. И услышал дерзкий ответ: «Когда примешь мое дело, тогда признаю тебя за сына!» Царь решил, что говорит с безумцем, и велел посадить Селиванова в дом умалишенных, где тот и пробыл до самого восшествия на престол Александра I.

В 1802-м, при посещении сего заведения, молодой император побеседовал со странным пациентом, нашел его речи вполне разумными (Кондратий больше не выдавал себя за царя) и распорядился перевести его в богадельню при Смольном монастыре.

Через три года, по ходатайству богатых скопцов, многие из которых имели меняльные лавки, Селиванов был отдан на поруки члену секты и ее ученому идеологу А.М. Еланскому, поселившись у купца Сидора Ненастьева в Басковом

Глава 6

ЛИЧНОСТИ

«ПТЕНЕЦ ГНЕЗДА ПЕТРОВА»

Набережные Васильевского острова изобилуют старинными зданиями, и это неудивительно: именно здесь, по мысли основателя, надлежало быть центру нового столичного града «Санкт-Петербурха». И вот вслед за «полудержавным властелином» А.Д. Меншиковым, кто по охоте, а большинство по неволе, тогдашние «именитые люди» принялись возводить свои жилища на южном берегу Васильевского острова и в новопроложенных линиях. Строились по указанному плану, составленному в 1716—1717 годах французским архитектором Ж. Леблоном, но по причине скорой его кончины в неприветливой Северной столице строительство продолжалось уже под наблюдением Д. Трезини.

Разработанные им образцовые проекты домов не отличались особым разнообразием, да этого и не требовалось. Задача состояла в другом — заселить пустынные места, сделать их оживленными, обитаемыми. Чертежи начала 1740-х годов из стокгольмской коллекции Берхгольца донесли до нас первоначальный облик зданий, многие из которых остались узнаваемыми и по сей день, несмотря на все архитектурные перевоплощения.

На углу набережной Лейтенанта Шмидта и 7-й линии стоит хорошо известный «дом академиков», а рядом с ним — невысокий особнячок с балконом, поддерживаемым четырьмя колоннами (дом № 3). Построен он немного позднее своих соседей, в 1730-х, но в основе его лишь слегка измененный трезиниевский проект образцового дома «для

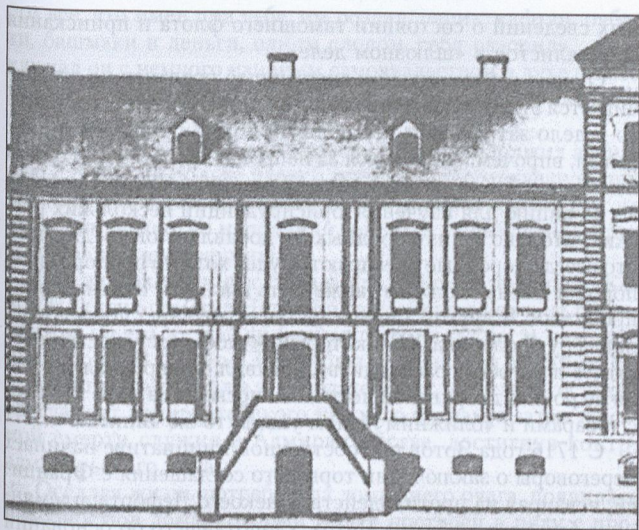

Набережная Лейтенанта Шмидта, дом № 3. Современное фото

именитых»: в семь осей, двухэтажный, на высоких погребках, с подчеркнутой центральной частью. Эти изначально присущие ему черты здание сохранило до сих пор, хотя к ним прибавилось кое-что новое.

В 1823 году, при перестройке архитектором В.И. Беретти, крыльцо уступило место колонному портику, и тогда же весь дом приобрел ампирный вид; а еще пятьдесят лет спустя, в эпоху эклектики, Р.А. Гедике, по желанию тогдашнего хозяина участка Л.К. Эстеррейха, придал особняку стиливые черты раннего французского классицизма, мало изменившие его наружность.

Примечательна личность первого владельца дома, который его и построил, — Конона Никитича Зотова (1690—1742). Он был сыном учителя и дядьки Петра I Никиты Моисеевича Зотова, исправлявшего под конец жизни в угоду царю малопочтенную должность князь-папы пресловутого «всепьянейшего собора», близкую к роли шута.

Дом К.Н. Зотова, чертеж XVIII в.

У старика было трое сыновей от первого брака; из них средний, Конон, особенно выделялся яркой, самобытной индивидуальностью и, не в пример отцу, твердым характером.

Получив начатки образования в Морском училище, он был по собственной воле послан в 1704 году в Англию для усовершенствования в избранном деле, чем доставил немалое удовольствие Петру, одоббившему вслед за тем его желание послужить в британском флоте. Прочтя письмо юноши, адресованное отцу, в котором Конон просил позволения исполнить свое намерение, обрадованный царь тут же осушил кубок венгерского за здоровье первого охотника и собственноручно написал ему ответ.

Проплавав несколько лет на английских судах, Конон Зотов вернулся в 1712-м на родину и продолжил службу в русском флоте. Произведенный в поручики, он поступил под команду адмирала Н. Синявина, чья эскадра крейсировала в Финском заливе. Но уже в январе 1715 года, в чине капитан-лейтенанта, молодой офицер вновь отправляется за границу — на сей раз во Францию — для сбора подро-

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вступление	7
Глава 1. О НАЗВАНИЯХ И НЕ ТОЛЬКО	
Дом Неллиса в Эртелевом переулке	10
Колесники и каретники	14
Немецкие колонии под Петербургом	17
«Все, чем для прихоти обильной...»	20
Гусев переулоч	23
«Позолота сотрется...»	27
Вдоль по речке Негодайке	29
Пески, переставшие быть Песками	32
Графский пролом	37
Поцелуев и другие	40
Название с вывески	43
Озерной или Озеров?	45
Майор фон Резен и братья Ждановы	49
Два памятника — две судьбы	51
Торговая и Конная	55
«Чудо» в Апраксином переулке	59
В полосатой будке у моста	62
«Достоин удивления...»	65
Глава 2. ЗРЕЛИЩА И УВЕСЕЛЕНИЯ	
«Великанка Гаук» и музыка Баха	70
Маскарад на русский лад	73
Что наша жизнь? Игра	77
Уроды, карлики и прочие диковины	82
Для охоты и ради «курьезности»	84
«Пойдите в зверинец Турньера...»	87

Возле Императорской библиотеки	90
Полеты на воздушном шаре	93
Глава 3. БЫТ И ПРАВЫ	
Что русскому здорово, то немцу смерти!	97
Врачи знали толк в рекламе	100
В чужой монастырь со своим уставом	102
«И вместо брачного чертога...»	105
Три сестры	106
Повесть о том, как поссорились... ..	110
Роковой треугольник	114
Скандальные знаменитости	117
Сверх моды на вершок	122
Троицкая площадь — лобное место	126
Сложил голову на плахе	129
Ошибка ювелира	131
Закон — не дышло!	134
«Продаются люди доброго поведения»	138
Карабас Барабас родом из Орла	141
Памятка для императрицы	145
Судьба играет человеком	148
Невольники чести	151
Сколько стоят «табуретки»?	155
«Голубые князья»	158
Никто не даст нам избавленья	161
Глава 4. УТРАТИВШИЕ И СОХРАНИВШИЕ	
Не верь глазам своим!	165
Ветераны Адмиралтейской части	166
Первые на Большой Луговой	170
Мещанские не только для мещан!	172
Как пели птицы в Мамоновом саду... ..	176
Стремянная осталась Стремянной	181
Итальянская слободка	186
Художник питерского захолустья	190
Да здравствует многоцветье!	194
Глава 5. ОТ СМЕШНОГО ДО ГРУСТНОГО	
«Ружья убрать для безопасности...»	197
Давайте плескаться, купаться... ..	199
В здоровом теле — здоровый дух!	201
А олени лучше!	203
Императрица борется с заразой	207
Век бронзовой Екатерины	210
Заговор послов	215
Запоздалое раскаяние генерал-прокурора	219

Сегодня — ты, а завтра — я.....	223
«Мы друг друга едим и тем сыты бываем...».....	228
Крещенский матч... с чертом!.....	232
«Вот проповедница-листочка...»	235
Драма на охоте.....	239
«Новый Иерусалим» в Озерном переулке.....	242
Император остановился в бане.....	246
Как тебя отыскать, дорогая пропажа.....	250
Каково житье, такова и смерть.....	252
Власть одержала победу.....	255
Восток — дело тонкое.....	260

Глава 6. ЛИЧНОСТИ

«Птенец гнезда Петрова».....	265
Граф Миних — осушитель болот.....	269
Пыточных дел мастер	273
Екатерининский орел	276
«Браво, мадам!».....	280
«Всегда жил весело, приятно...».....	283
Собиратель французской живописи.....	287
Политик и интриган	290
Полицмейстера — в Сибирь!.....	295
Пока царь срывал «цветы удовольствия».....	300
Юпитер с Мещанской.....	303
Приключения итальянца в России.....	306
«Живу как громом пораженный...».....	309
«Скупой рыцарь»	313
Невольню к этим грустным берегам.....	317
«Преданный без лести».....	321
Начал гладью, а кончил.....	325
«Князь мира» вершит правосудие.....	328
Певец несвободы.....	331
Писатели имеют право на вымысел!.....	335
Остановивший мгновение	339
«Атланты небо держат на каменных руках».....	343
В России нужно жить долго	347
Взлеты и падения барона Шафирова.....	352
«Голова, голова, кабы не так умна ты была...».....	357
Государево око.....	364
«Елизавета Петровна перехитрила лукавого француза».....	368
Обман госпожи д'Обан	373
Сын Отечества.....	378
Не шадя жизни	381
«Теплов услужил мне во многом...».....	385
«Вы займете в моем веке превосходное место...».....	389
Живая хроника столетия	401

«Для единого блага подданных...»	405
Бецкий, воспитатель детский	409
Жанетта—Жозефина—Жанетта	414
Миллионная не стала Дерибасовской	419
Челночный дипломат	422
Счастье изменило лишь однажды	427
Крепость не сдалась	430
Заварил кашу!	434
«Как можно меньше шума»	437
Граф любил строгость!	440
«Я не люблю, чтобы меня так любили...»	447
Петербургский почт-директор	452
Банкир и дипломат	456
Фельдфебеля в Вольтеры	461
Много умного, да мало хорошего	465
Он дорожил «любовию народной»	469
И прогнали Дурново!	473

Глава 7. ПИШУЩИЕ ИСТОРИЮ

Памятник петровскому времени	477
Опасная профессия	480
«Вильбовское место»	485
Все началось в Петербурге	490
Долгое путешествие Александра Радищева	496
Соглядатай князя Потемкина	499
«Ум быстрый, прочное познание...»	504
«Вы возбудите ненависть к себе...»	507
Из рода Тургеневых	510
Служил России честно	514
Классик мемуарного жанра	519
Орловский уроженец, петербургский старожил	522
Шесть месяцев, которые не потрясли мир	525
По накатанной колее	530
Свой среди чужих, чужой среди своих	534
Вансаль идет в наступление	539
Дневник, ставший памятником	544
В Гродненском тупике	548
Душа горит на сотне вертелов	554
«А ведь мы в России!»	558
Заключение. За чечевичную похлебку	563
Литература	569

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

**Размещение полного текста данного
произведения невозможно в связи с ограничениями
по IV части ГР РФ.**

**Эту книгу вы можете почитать в Оренбургской
областной универсальной научной библиотеке
им. Н. К. Крупской по адресу: г. Оренбург,
ул. Советская, 20; тел. для справок: (3532) 60-61-28**